

Юридическія фикціи и презумціи.

I

КЛАССИФИКАЦІЯ

ЯВЛЕНІЙ ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА.

ОТНОСИМЫХЪ КЪ СЛУЧАЯМЪ ПРИМѢНЕНІЯ ФИКЦІЙ.

Юридическія фикціи. Презумціи. Скрытныя,
символическія, притворныя и мнимыя дѣйствія.
Фидуціарныя сдѣлки.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Г. Θ. Дормидонтова.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

1895.

Дозволено цензурою. Казань, 12 февраля 1895 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая читателямъ книга представляетъ собою первую часть предпринятой, но не доведенной еще до конца работы, имѣющей цѣлью тщательное изученіе вопроса о юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ. Полное противорѣчіе во взглядахъ не столько на сущность помянутыхъ пріемовъ, употребляемыхъ и законодательствами, и наукой права, сколько на ихъ происхожденіе и на значеніе ихъ какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, вынуждаетъ пересмотрѣть по возможности всѣ извѣстные случаи примѣненія указанныхъ пріемовъ въ римскомъ правѣ и важнѣйшихъ современныхъ законодательствахъ и въ юриспруденціи. На основаніи добытаго этимъ путемъ матеріала можно будетъ попытаться выяснить причины, заставляющія законодательства и науку права прибѣгать къ указаннымъ пріемамъ, и разрѣшить спорный вопросъ о пригодности послѣднихъ въ правѣ и указать, если возможно, границы и мѣру пользованія какъ вымыслами, такъ и предположеніями. Обиліе подлежащаго разсмотрѣнію законодательнаго и иного матеріала, трудность собиранія и правильной группировки его, а также затрудненія, связанные съ не-

обходимостью изученія довольно обширной (особенно по вопросу о презумціяхъ) литературы предмета, не даютъ возможности надѣяться на очень скорое окончаніе всей начатой работы, которая, понятно, должна будетъ распадаться на двѣ части, посвященныя отдѣльно фикціямъ и презумціямъ. Между тѣмъ раньше чѣмъ приступить къ изложенію первой части работы, пришлось естественно заняться вопросомъ объ опредѣленіи предѣловъ той области явленій юридическаго быта, гдѣ обыкновенно говорятъ о юридическихъ фикціяхъ. Въ наукѣ на этотъ счетъ не установилось единогласія, а потому пришлось указать и опредѣлить всѣ тѣ категоріи явленій, въ которыхъ видятъ иногда случаи примѣненія фикцій и которыя подводятъ подъ понятіе юридическихъ фикцій въ широкомъ смыслѣ, а также опредѣлить тѣ общія этимъ явленіямъ признаки, на основаніи которыхъ такое подведеніе имѣетъ мѣсто. При этомъ выяснилось, что такой объединяющій признакъ давно уже и совершенно правильно указанъ Д. И. Мейеромъ, выставившимъ четыре категоріи явленій, подъ этотъ признакъ подходящихъ. Ближайшее разсмотрѣніе предмета привело къ такому заключенію, что, во 1-хъ, кругъ помянутыхъ явленій обширнѣе указанного Мейеромъ, а во 2-хъ, что Мейеръ не всегда и не во всемъ правильно смотрѣлъ на самую сущность указанныхъ имъ явленій. Въ виду этого пришлось на основаніи источниковъ и литературныхъ пособій изучить и охарактеризовать каждую, подходящую подъ установленный Мейеромъ признакъ, категорію явленій въ отдѣльности, указать ту связь, которую каждая изъ нихъ имѣетъ съ случаями примѣненія фикцій и предположеній въ соб-

III

ственномъ смыслѣ. Указанная работа привела, между прочимъ, къ выясненію понятія фикцій и презумцій и къ убѣжденію въ родственной близости ихъ и въ необходимости поэтому совмѣстнаго изслѣдованія случаевъ примѣненія тѣхъ и другихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она показала неосновательность попытокъ объединенія всѣхъ разсмотрѣнныхъ явленій подъ общимъ именемъ фикцій въ обширномъ смыслѣ. Работа эта оказалась не легкой такъ какъ помимо необходимости обзрѣть массу матеріала приходилось постоянно разбираться въ путаницѣ литературныхъ мнѣній по многимъ вопросамъ, не только прямо относящимся къ предмету изслѣдованія, но и по вопросамъ такъ сказать побочнымъ, разрѣшать которые однако приходилось. Не желая увеличивать безъ нужды объемъ книги, мы избѣгали помѣщенія въ ней всей просмотрѣнной массы матеріала; а чтобы побочные вопросы не отвлекали вниманіе читателя отъ главнаго предмета изложенія, мы говоримъ о нихъ въ помѣщенныхъ въ концѣ приложеніяхъ.

Рѣшаясь теперь же познакомить читателей съ этой частью нашего труда, мы имѣемъ въ виду съ одной стороны посылить содѣйствовать скорѣйшему распространенію болѣе правильныхъ, на нашъ взглядъ воззрѣній по изложеннымъ въ ней вопросамъ, а съ другой стороны—ожидаемъ отъ лицъ компетентныхъ указаній, которыя могли-бы быть намъ полезны для успѣшнаго окончанія всего задуманнаго нами изслѣдованія.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ спеціально юридическихъ трактатахъ и бесѣдахъ, какъ и въ простой обыденной рѣчи, очень часто слышатся слова: *фикція*, *фигтивный*. Говорятъ о фиктивныхъ бракахъ, о фиктивныхъ капиталахъ и доходахъ, о фиктивныхъ отчетахъ и сдѣлкахъ и т. п.; говорятъ о фикціяхъ, измышляемыхъ юристами и фикціяхъ, допускаемыхъ и создаваемыхъ законодателемъ. Соединяя со словомъ фикція представленіе о вымыслѣ, о завѣдомой лжи, простой смертный, не посвященный въ таинства юриспруденціи, не знающій, какія затрудненія приходилось и приходится преодолевать ей, къ какимъ разнообразнымъ приѣмамъ прибѣгать, чтобы держаться на высотѣ своего назначенія и на самомъ дѣлѣ быть тѣмъ великимъ искусствомъ, про которое давно уже сказано, что оно есть *ars boni et aequi*,—легко и невольно можетъ придти въ смущеніе. Его испугаетъ не то, что кругомъ него довольно много людей съ фиктивнымъ состояніемъ, людей, заключающихъ фиктивные сдѣлки и даже фиктивные браки съ разными позволительными и непозволительными цѣлями: къ этому онъ легко привыкаетъ и относится къ такимъ явленіямъ болѣе или менѣе спокойно. Но невольно ему можетъ стать страшно при мысли, что фикція, т. е. по его мнѣнію, завѣдомая ложь, пускается нерѣдко въ ходъ жрецами того „искусства добраго и справедливаго“, задачей котораго должно быть, очевидно, служеніе лишь чистой и святой правдѣ; что, наконецъ, самъ законодатель не только допускаетъ и терпитъ такую ложь, но иногда даже требуетъ, чтобы

всѣ принимали за истину вымыселъ.— Тутъ есть надъ чѣмъ задуматься! Самъ собою встаетъ вопросъ: неужели прибѣгать къ вымыслу такъ необходимо? Не вводятся-ли этимъ ложь и обманъ въ святое дѣло правосудія? Не обращается-ли, по крайней мѣрѣ, отправленіе послѣдняго, безъ всякой нужды подчасъ, въ смѣхотворную комедію, бесполезную для существа дѣла и важную только въ глазахъ близорукихъ жрецовъ слѣпой Θεимиды?

Всякому благомыслящему смертному естественно отвергнуть необходимость какихъ-либо искусственныхъ измышлений, вымысловъ въ области права и еще естественнѣе свалить всю вину созданія такихъ вымысловъ на коварную изворотливость или на недомысліе юристовъ. И достается-же имъ подчасъ!

Съ легкой руки великаго насмѣшника древности Цицерона и до нашихъ дней, сколько болѣе или менѣе остроумныхъ нападокъ пришлось выдержать юристамъ за допускаемые въ правѣ вымыслы! И нельзя сказать, чтобы юристы хладнокровно относились къ этимъ насмѣшкамъ. Правда, они сначала не безъ презрѣнія отвѣчали насмѣшникамъ, что „*fictiones sunt eximii colores, quibus veritas fucata non corrumpitur, sed potius illuminatur*“¹⁾ и пытались внушить профанамъ, осуждавшимъ даже фикціи на основаніи св. писанія²⁾, разницу между ложью и юридическимъ вымысломъ: „*Falsum loqui culpaе est, fictum, virtutis; falsis decipimur, fictis delectamur*“³⁾. Но сами юристы не могли отрицать, что фикціи вводятся вопреки истинѣ и имѣютъ силу иногда устранять истину. „*Fictiones inducuntur contra veritatem et fictionis potestas ea est, ut quandoque fictio praevaleat veritati*“⁴⁾. Очевидно, что одного этого сознанія вполне довольно, чтобы дать поводъ къ новымъ нападкамъ на юристовъ, какъ творцовъ фикцій. Достаточно вспомнить, какъ горячо ополчался противъ юридическихъ фикцій Бентамъ. По его стопамъ шли многіе другіе. Сами юристы

¹⁾ *Antonii Dadingi Alteserrae De fictionibus juris tractatus septem*, ed. Eisenhart, 1769 г.

²⁾ См. предисловіе Eisenhart'a къ цитированной выше книгѣ.

³⁾ *Donat. In Eunuchis*. Цит. у Alteserra, стр. 2.

⁴⁾ *Ib.* стр. 5.

стали заботиться объ изгнаніи фикцій изъ юриспруденціи, такъ какъ признали, что „научная фикція — это самообманъ, это банкротство науки“. Но фикціи всетаки существуютъ доселѣ въ законодательствахъ, о нихъ упоминаетъ поэтому и объясняетъ ихъ наука; наконецъ, въ практической, обыденной жизни съ фикціями мы встрѣчаемся постоянно. Достаточно вспомнить о фиктивныхъ сдѣлкахъ, которыя совершаются вовсе нерѣдко. Люди, очевидно, не могутъ все еще обойтись безъ вымысловъ: прямая голая истина часто еще не дается имъ или оказывается, повидимому, имъ не по плечу, и они прибѣгаютъ къ помощи вымысла, чтобы къ ней хоть какъ нибудь приблизиться или наоборотъ, чтобы отъ нея уклониться.

Гдѣ же кроется причина этого? и неужели нельзя обойтись безъ помощи вымысла при подведеніи фактовъ дѣйствительной жизни подъ отвлеченныя нормы права? Винить ли юристовъ или оправдывать? Вопросъ о фикціяхъ для юриста есть вопросъ чести, вопросъ, затрогивающій самое значеніе и достоинство той отрасли знанія, которой онъ посвящаетъ свои силы. Между тѣмъ, въ литературѣ юридической этотъ вопросъ далеко еще не полно разработанъ. Хотя и нельзя сказать, чтобы юристы оставляли этотъ вопросъ безъ вниманія; но всетаки во всей европейской литературѣ не насчитается десятка сочиненій, посвященныхъ спеціально разработкѣ вопроса о юридическихъ фикціяхъ вообще, о ихъ видахъ, причинахъ, ихъ вызывающихъ, о роли ихъ въ прошлой и настоящей жизни человѣчества. Вотъ почему представляется велишней попытка изложить болѣе или менѣе полно общее ученіе о фикціяхъ, разработавъ его сообразно даннымъ современной науки. Такова именно задача нашего труда.

§ 1.

Различныя значенія, въ которыхъ употребляютъ слово „фикція“ и необходимость болѣе точнаго опредѣленія понятія фикціи. Попытки указать и классифицировать всѣ явленія юридическаго быта, въ которыхъ говорятъ о примѣненіи фикцій.

Прежде всего, конечно, намъ предстоитъ выяснить, что понимается подъ словомъ юридическая фикція. Нельзя не указать, что доселѣ писатели юристы и не-юристы придаютъ этому слову различный, то очень обширный, то болѣе или менѣе тѣсный смыслъ, и отсутствіе точной терминологіи не мало затрудняетъ изслѣдованіе и изложеніе интересующаго насъ предмета. Затрудненія относительно точной научной терминологіи имѣютъ свою причину въ томъ, что тѣ явленія юридическаго быта, къ которымъ съ большимъ или меньшимъ правомъ примѣняютъ въ разговорномъ и даже литературномъ языкѣ термины: „фикція“, „фигтивный“, „вымышленный“ весьма многочисленны, разнообразны по своей сущности и по вызываемымъ ими послѣдствіямъ, нося часто лишь весьма отдаленныя черты сходства. Много ли общаго, напр., между вымышленнымъ отчужденіемъ имущества и вообще какой либо фиктивной сдѣлкой съ одной стороны и фикціей усыновленія или юридической личности съ другой?

Такимъ образомъ мы должны сначала установить, какія явленія юридическаго быта подойдутъ подъ понятіе юридической фикціи въ обширномъ смыслѣ, а затѣмъ должны класси-

фицировать всѣ эти явленія, опредѣливъ ихъ существо и характеръ, указавъ черты сходства и различія. Только послѣ этого можно будетъ уже перейти къ изложенію вопроса о происхожденіи фикцій въ собственномъ смыслѣ и о роли ихъ въ правѣ.

Точнаго опредѣленія понятія юридической фикціи въ обширномъ смыслѣ тщетно искать въ юридической литературѣ. Вотъ нѣкоторыя болѣе или менѣе извѣстныя опредѣленія. „Слово фикція на юридическомъ языкѣ обозначаетъ предположеніе какого-либо факта или качества, предположеніе, противорѣчащее нерѣдко дѣйствительности, но рассчитанное на то, чтобы произвести извѣстныя юридическія послѣдствія“ ¹⁾. „Fictio est juris constitutio, qua fingitur id contingisse quod minime contigit, vel id non evenisse quod re evenit“ ²⁾. „Fingere—выдумывать, притворяться, воображать извѣстный фактъ, который въ дѣйствительности не существовалъ“ ³⁾. „Часто норма права предписываетъ признавать существующее обстоятельство за несуществующее и, наоборотъ, несуществующее за существующее; такой приѣмъ называется фикціей (юридическимъ вымысломъ)“ ⁴⁾. Подъ юридической фикціей въ обширномъ смыслѣ разумѣется „всякое предположеніе, которымъ прикрываютъ или стараются прикрыть тотъ фактъ, что правило закона подвергалось измѣненію, т. е. что его буква осталась прежнею, а примѣненіе измѣнилось“ ⁵⁾.

Сравнивая хотя бы эти опредѣленія, вы замѣчаете существенную разницу между ними и видите, что первое опредѣленіе придаетъ слову фикція болѣе обширный смыслъ сравнительно съ придаваемымъ послѣдующими опредѣленіями. По

¹⁾ *Henri Duméril*, Les fictions juridiques. Paris. 1882 p. 5.

²⁾ *Alteserra*, op. cit. p. 2.

³⁾ *Дыдынскій*, Латинско-русскій словарь къ источникамъ римскаго права. См. «Fingere». Ср. *Dirksen*, Manuale latinitatis fontium jur. civ. Romanorum. Berolini, 1837 г. «Fictio: Praesumptio fictitia: Accomodatio rei ad exemplum alterius. Fictitius: Ad instar alterius rei efformatus.

⁴⁾ *Баронъ*, Система римскаго гражданскаго права, пер. Петражицкаго, стр. 70, 547.

⁵⁾ *Мэнъ*, Древнее право. Спб. 1873 г. стр. 21.

первому опредѣленію, фикція есть предположеніе, противорѣчащее нерѣдко дѣйствительности, но рассчитанное на то, чтобы произвести извѣстныя юридическія послѣдствія. Подъ это опредѣленіе подойдетъ не только признаніе существующимъ не существующаго, но и принятіе существующимъ того, относительно чего съ достовѣрностью неизвѣстно, что оно существуетъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти опредѣленія, особенно первое, наводятъ на мысль, что въ правѣ употребляются иногда приемы, свойственные скорѣе поэзіи. Мысль, конечно, вѣрная по отношенію къ праву древнему. Поэзія древняго права интересовала, какъ извѣстно, многихъ изслѣдователей. Достаточно вспомнить хотя бы бр. Гриммовъ. Знаменитый Vico въ его „Scienza nuova“ говоритъ: „Tutto il diritto antiquo romano fu un serio poëma, che si rappresentava da' Romani nel foro, e l'antica giurisprudenza fu una severa poesia“⁶⁾. Эта поэзія древняго права проявлялась не только въ стихотворной подчасъ формѣ древнихъ опредѣленій, но въ массѣ всякаго рода образныхъ выраженій и дѣйствій, жестовъ, эмблемъ, символовъ, имѣвшихъ цѣлью оказать вліяніе не только на умъ, но и на чувство древняго человѣка. Говоря объ этой поэзіи въ правѣ, М. Chassan, авторъ одного въ свое время очень интересовавшаго юристовъ, а нынѣ почти совсѣмъ забытаго ими изслѣдованія: „Essai sur la symbolique du droit“, между прочимъ высказываетъ мысль, что юридическія фикціи представляютъ собою наиболѣе возвышенное и совершенное примѣненіе поэзіи къ праву. Представляя себѣ все созданное человѣчествомъ право въ видѣ зданія, въ созиданіи котораго народная поэзія играла видную роль, Chassan въ цвѣтистой рѣчи заявляетъ, что „на вершинѣ этого зданія паритъ, распростерши крылья, геній юридическихъ фикцій, фикцій матеріальныхъ или символовъ въ эпоху варварства и фикцій интеллектуальныхъ въ эпоху цивилизаціи“⁷⁾. Въ этой поэтической

⁶⁾ Vico, Scienza nuova, t. II, l. IV. ch. VII, § 2. Vico, Principes de la philosophie de l'histoire, trad. par Michelet, p. 199.

⁷⁾ Chassan, Essai sur la symbolique du droit. Paris. 1847. Introduction, p. CXIV.

тирадѣ слово фикція, какъ видно, является намъ опять въ новомъ значеніи. Далѣе, въ одномъ параграфѣ своего сочиненія, спеціально трактующемъ о юридическихъ фикціяхъ, Chassan поясняетъ, что подъ матеріальными фикціями онъ разумѣетъ эмблемы, реальные символы древняго права. Отъ этихъ матеріальныхъ фикцій, свойственныхъ неразвитому состоянію права, отличаетъ онъ фикціи интеллектуальныя или фикціи въ собственномъ смыслѣ, которыя, по его словамъ, также представляютъ собою не по внѣшней формѣ, а по своей сущности эмблемы *sui generis*. Интеллектуальная фикція, по заявленію цитируемаго автора, вовсе не вымыселъ, а только образъ истины (*image de la vérité*). „Фикція юридическая привходитъ между двумя фактами, дабы связать ихъ между собой, объявляя то, что должно быть и придавая предположенію авторитетъ и силу истины. Такимъ, именно, образомъ она становится эмблемой, такъ какъ она предназначена скорѣе представлять (замѣщать) истинное, а не обнаруживать его въ дѣйствительности“. Правило, опредѣляющее, что *res judicata* есть истина, положеніе, что законы извѣстны всѣмъ послѣ ихъ обнародованія, суть, по словамъ Chassan'а, фикціи того, что должно быть, а не обозначеніе того, что есть на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ и у Chassan'а слово фикція употребляется въ очень широкомъ смыслѣ, въ гораздо болѣе широкомъ, чѣмъ то значеніе, какое придаютъ этому выраженію другіе авторы. Если въ добавленіе ко всему этому вспомнить о фиктивныхъ сдѣлкахъ, гдѣ также имѣетъ мѣсто представленіе существующимъ факта, на дѣлѣ несуществующаго, то мы убѣдимся прежде всего въ томъ, что терминологія въ вопросѣ о юридическихъ фикціяхъ доселѣ не отличается точностью; причемъ одни авторы, придавая выраженію *фикція* тѣсный смыслъ, разумѣютъ подъ юридической фикціей лишь признаніе со стороны объективнаго права существованія извѣстнаго, завѣдомо несуществующаго, факта или качества (Баронъ). Другіе, какъ Мэнъ, придаютъ слову фикція еще болѣе тѣсное значеніе, разумѣя подъ нимъ лишь извѣстный пріемъ для измѣненія прежнихъ опредѣленій права или, какъ Іерингъ и Муромцевъ, пріемъ для подведенія новыхъ явленій юридическаго быта подъ старыя нормы. Третьи, какъ Chassan, Duméril, придаютъ выраженію *юридическая фикція* болѣе обширное значеніе, подводя подъ это понятіе всѣ тѣ довольно разнообразныя явленія

юридическаго быта, гдѣ только законодатель, судья или частныя лица намѣренно прибѣгаютъ къ какому либо не только вымыслу, но и предположенію относительно существованія или несуществованія факта или качества.

Это различіе въ понятіяхъ, связываемыхъ съ выраженіемъ юридическая фикція, влечетъ, естественно, за собою и различіе во взглядахъ на значеніе и роль фикцій въ правѣ. Одни ихъ превозносятъ; другіе признаютъ за ними лишь историческое значеніе; третьи допускаютъ въ настоящемъ ихъ существованіе, но лишь съ различными условіями и ограниченіями; четвертые, наконецъ, принципиально признаютъ ихъ вредными и требуютъ полного ихъ изгнанія. И эта разница во взглядахъ обусловливается въ значительной мѣрѣ разницей въ понятіяхъ, соединяемыхъ съ даннымъ выраженіемъ. Вотъ почему раньше, чѣмъ говорить о роли и значеніи фикцій въ правѣ и не разбирая пока тѣхъ опредѣленій, которыя даютъ слову фикція, а употребляя это послѣднее въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ только оно употреблялось, попытаемся классифицировать всѣ тѣ разнообразныя, какъ сказано, явленія юридическаго быта, которыя справедливо и несправедливо обозначаются этимъ словомъ и производнымъ отъ него прилагательнымъ, а равно близкими ему по значенію словами: вымышленный, мнимый, притворный и т. п.

Во всей юридической литературѣ мнѣ извѣстны только два сочиненія, посвященные спеціально вопросу о классификаціи фикцій въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова: это сочиненіе Дюмериля и извѣстная русскимъ юристамъ диссертация Мейера „О вымыслахъ, предположеніяхъ, скрытыхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ“. Другіе высказались лишь вскользь, мимоходомъ по этому вопросу. Познакомимся сперва съ обѣими названными попытками классификаціи.

§ 2.

Классификація Мейера. Ея основанія. Четыре категоріи ненормальныхъ явленій юридическаго быта.
Общій признакъ этихъ явленій.

Сочиненіе Д. И. Мейера „О юридическихъ вымыслахъ и предположеніяхъ, скрытыхъ и притворныхъ дѣйствіяхъ“, напечатанное въ 1853 г. въ г. Казани, представляетъ собою любопытное явленіе въ исторіи русской юридической литературы. Авторъ въ этомъ сочиненіи значительно опередилъ взгляды, господствовавшіе до того въ юридической наукѣ по излагаемому имъ вопросу, и можно смѣло сказать, что если бы это сочиненіе появилось въ свое время на нѣмецкомъ языкѣ, то имя автора получило бы широкую извѣстность и на книгу доселѣ часто бы ссылались. У насъ это сочиненіе было напечатано въ такое время, когда, по справедливому замѣчанію того же Мейера, „въ Россіи не было еще сословія юристовъ“ и книгу некому было читать, а когда сословіе юристовъ появилось въ 60 годахъ, книга Мейера оказалась настолько старой, что о ней начали забывать. Въ настоящее время едвали, кромѣ тѣснаго круга ученыхъ спеціалистовъ, занимающихъ кафедры гражданскаго права, найдется много юристовъ, знакомыхъ съ этимъ сочиненіемъ не по наслышкѣ только. Между тѣмъ, въ своихъ существенныхъ положеніяхъ сочиненіе это и доселѣ представляется заслуживающимъ вниманія; многое высказанное и развитое Мейеромъ въ этой его работѣ стало теперь общимъ достояніемъ учебниковъ и курсовъ, читаемыхъ въ Университетахъ.

Далекій отъ всякаго увлеченія поэзіей въ примѣненіи ея къ праву и хорошо разглядѣвшій, что увлекательный геній юридическихъ фикцій, представлявшійся еще многимъ его современникамъ чуть не полубогомъ, есть не болѣе, какъ обманчивый призракъ, исчезающій при первомъ соприкосновеніи съ доводами холоднаго разсудка, Мейеръ не только довольно точно и съ замѣчательною для своего времени ясностью описалъ или иначе охарактеризовалъ тѣ явленія юридическаго быта, въ которыхъ имѣли примѣненіе фикціи въ тѣсномъ смыслѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ проанализировалъ и тѣ явленія

юридическаго быта, которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказываются сходственными съ фикціями и подводятся иногда подъ одну общую категорію. Родственная связь этихъ явленій юридическаго быта съ фикціями въ тѣсномъ смыслѣ была замѣчена, правда, гораздо ранѣе, чѣмъ стали строго различать ихъ. Эта связь, при неумѣннѣ провести строгое различіе между изслѣдуемыми явленіями, заставила еще, напр., Отсера (Alteserra) утверждать, что фикціи разсѣяны по римскому праву въ такомъ же количествѣ, какъ звѣзды по небу и хвалиться тѣмъ, что ему удалось отмѣтить многія изъ нихъ, незамѣченныя другими ¹⁾. По той же причинѣ и Chassan призналъ фикціи матеріальныя (символы) и интеллектуальныя, опредѣливъ послѣднія такъ, что подъ его опредѣленіе подходят не однѣ только фикціи въ томъ тѣсномъ техническомъ смыслѣ, какой придаютъ этому выраженію позднѣйшіе юристы (напр. Баронъ). ²⁾ Но до Мейера никто, сколько намъ извѣстно, во всей юридической литературѣ не попытался выяснить того, въ чемъ именно состоитъ общій признакъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ по сущности явленій юридическаго быта, для обозначенія которыхъ употребляютъ выраженія фикція, фиктивный. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мейеръ пытался указать сущность и отличительные признаки различныхъ подмѣченныхъ имъ группъ этихъ явленій.

Въ своемъ сочиненіи онъ исходитъ изъ слѣдующаго положенія: „Юридическія опредѣленія всѣ разсчитаны на существованіе извѣстныхъ фактовъ; эти факты предшествуютъ приложенію юридическихъ опредѣленій. Таковъ обыкновенный нормальный порядокъ юридическаго быта. Но бываютъ и отклоненія отъ этого порядка, когда мы не усматриваемъ тѣхъ или другихъ фактовъ, на которые разсчитаны юридическія опредѣленія, а эти опредѣленія тѣмъ не менѣе прилагаются, получаютъ силу“. Далѣе Мейеръ и перечисляетъ

¹⁾ Alteserrae op. cit., p. 202 и 203. «Totum corpus juris, maxime Digestorum fictionibus ut coelum stellulis micat: et ut in coelo recentiores Astrologi nova sidera se observasse gloriantur, quae antiquos effugerint, mihi forte in aliqua laude erit, quam plurimas fictiones quae in legum visceribus latebant, adnotasse, vel jam notas collegisse et in ordinem redelegisse».

²⁾ См. выше, стр. 6 и 7.